

Матренин С.С., Тишкин А.А. Снаряжение верхового коня кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-1 // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 2. №4 (88).

Обломский А.М. Этнокультурные компоненты населения Верхнего Подонья в гуннское время (конец IV – V в. н.э.) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С. Начало исследований некрополя сяньбийско-жужанского времени на комплексе Чобурак-1 (Северный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2018. Вып. XXIV.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-1) // Теория и практика археологических исследований. 2019. №4.

Синьзян-Уйгурский автономный районный музей, Управление культурного наследия Баянгуолэнского монгольского автономного округа, Управление культурного наследия Чиемоского округа. Раскопки погребений третьего периода культуры могильника Чжагуньлука в 1998 году // Синьзянское культурное наследие. 2003. №1. (на кит. яз.).

Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае [Электронный ресурс]. Горно-Алтайск, 2018.

Соенов В.И., Константинова Е.А. Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Горно-Алтайск, 2015.

Тетерин Ю.В. Могильник Дялян – новый памятник предтюркского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул, 2018. (Археологические памятники Алтая. Вып. 3).

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2011. Вып. 6.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. №3.

УДК 902(571.1/.5)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.39

С.Ф. Татауров, С.С. Тихонов

*Институт археологии и этнографии СО РАН, омская лаборатория,
Омск, Россия*

ТЮРКИЗАЦИЯ ЮЖНОЙ ТАЙГИ И СЕВЕРНОЙ ЛЕСОСТЕПИ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ В КОНЦЕ I – НАЧАЛЕ II ТЫС. Н.Э.

Статья посвящена изучению процесса тюркизации северной лесостепи и южной тайги Среднего Прииртышья. Источниками послужили материалы раскопок памятников конца I – начала II тыс. н.э., проведенных в этом регионе в 1970–2010-х гг. Изучив результаты исследований серии курганных могильников, авторы делают вывод о неоднократном проникновении тюрков из степей Алтая и Восточного Прииртышья в изучаемый район и сложении там достаточно многочисленного населения в первых веках II тыс. н.э. Д.Г. Савинов сделал абсолютно верное предположение о формировании в Прииртышье среднеиртышского варианта кимако-кипчакской культуры. О многочисленности и военной мощи данного образования можно судить по большому количеству бронзовых украшений с низовьев Оби, куда они периодически совершали военные походы, и по отсутствию на данной территории памятников, связанных с монголо-татарским нашествием. Только после переселения части данного населения в Среднюю Азию в середине XV в. под предводительством чингизида Абулхайр-хана данные районы стали более открытыми, и там стало формироваться новое население, которое

встретили русские в XVI в. Оседание тюрок маркирует погребальный обряд, связанный с полным или частичным трупосожжением на стороне или в могиле, захоронением с человеком лошади или ее частей и сопроводительным инвентарем – предметами конского снаряжения, оружия, наборных поясов, антропо- и зооморфных бронзовых блях, керамики. Материалы могильников позволяют проследить изменения в использовании огня в погребальном обряде от полного трупосожжения до поджога надмогильных сооружений и имитации огня.

Ключевые слова: Сибирь, Алтай, миграции, этнос, погребальный обряд, пояса, зооморфные бляхи

Введение

Во 2-й половине I тыс. н.э. в евразийских степях шли мощные процессы образования государств, приведшие к появлению I Тюркского, Тюркешского, Уйгурского каганатов, государств у енисейских кыргызов, карлуков, кипчаков и т.д. [Степи Евразии..., 1981, с. 29–31; Кляшторный, Савинов, 1994, с. 8–9, 93–95]. Основные политические, этнические и культурные процессы, связанные с деятельностью кочевников в раннетюркское время, проходили в степном поясе Евразии. Их влияния не избежали территории западносибирской лесостепи и южной тайги, где в 3-й четверти I тыс. начался, а к его концу стал глобальным процесс тюркизации местного населения и формирования многочисленного (тюркского в своей основе) населения, имевшего местные особенности в различных районах лесостепного и южнотаежного пояса Западной Сибири. Археологически это фиксируется в распространении погребального обряда с конем и сожжениями, наличием в могилах предметов конского снаряжения, оружия, поясов или их частей.

Цель статьи – проанализировать археологические свидетельства о сложении среднеиртышского варианта кимако-кипчакской культуры на рубеже I и II тыс. н.э., рассмотреть взаимоотношения его населения с более северными народами и с тюркской общностью Южной Сибири.

Источниками стали материалы могильников Айткулово, Алексеевка-I, Алексеевка-XX, Алексеевка-XXV, Окунево-III, Окунево-X в Среднем Прииртышье на границе северной лесостепи и южной тайги. Памятники конца I – начала II тыс. н.э. были раскопаны в 1970–2010-х гг. Б.А. Кониковым, В.И. Матющенко, В.А. Могильниковым, С.Ф. Татауровым, С.С. Тихоновым, А.С. Чагаевой [Здор, Татауров, Тихомиров, 2000, с. 68–70; Могильников, Коников, 1983, с. 162–182; Татауров, Тихонов, 2019, с. 103–112; Татауров, Тихонов, Чудаков, 2001, с. 114–127; Тихонов, 1995, с. 16–23; Чагаева, 1973, с. 103–118].

Обсуждение

В конце I тыс. н.э. в исследуемом районе остался ряд могильников, где наряду с погребениями по обряду трупоположения были могилы с трупосожжениями (серия могильников у д. Айткулово, Алексеевка-I, Окунево-III). Анализ погребений показывает, что обряд трансформировался от сожжения в могиле (Алексеевка-I) в первоначальный момент миграции тюрок на эту территорию к трупосожжению на стороне (Айткулово, Окунево-III, Окунево-X) и сожжению надмогильных конструкций для поздних памятников (Бергмак-II).

Могильник Алексеевка-I насчитывает 22 кургана. При своем единстве (как по планиграфии, так и по сопроводительному инвентарю: оружие, украшения и т.д.) он по материалам разбивается на две части. В северной части могильника зафиксированы четыре кургана, которые насыпаны над площадками, где были совершены трупосожжения с лошадьми со снаряжением, оружием и в одном случае с наборным поясом. Площадки были окружены ровиками, причем следует отметить, что погребения были

совершены зимой, так как сохранились следы прокалов для отогрева почвы по всему периметру ровиков [Татауров, Тихонов, Чудаков, 2001]. На одной из площадок найден пояс, который состоял из бронзовой пряжки с растительным орнаментом на щитке и железным язычком, прямоугольными и полуovalными бляхами с прорезями, сердцевидной бляшкой и наконечника ремня (рис.-12-13, 15-22). Он почти аналогичен (и по пряжке, и по набору поясных блях с прямоугольными прорезями) поясам из памятников VII-IX вв. из Горного и Степного Алтая: Узунтал, Нечунаево, Туэкта [Добжанский, 1990, с. 8, табл. XXVIII.-2-4]. Бляхи были укреплены на ремне шириной 2,3-2,4 см.

Наборные пояса и бляхи из Среднего Прииртышья: 1-7 – Алексеевка-I, курган №18, могила-1: широкий пояс с зооморфной бляхой; 8-11 – Алексеевка-I, курган №18, могила-1: узкий пояс; 12-22 – Алексеевка-I, курган №19, могила-1; 23-24 – могильник Айткулово

Интересно, что они состояли из двух частей, соединенных между собой штифтами. Это позволяет определить и толщину кожи, из которой сделан ремень: 0,3–0,4 см.

Вместе с поясом найдена бронзовая плоская фигурка всадника (рис.-14), завернутая в бересту и стянутая в верхней части витой веревочкой. Фигурка всадника имеет одновременно и тюркские (трехрогая шапка), и местные элементы (раздвоенные, как у лося, копыта ездового животного, а также небольшие рога на его голове). Подобные изделия широко известны в тайге Западной Сибири. Но мы полагаем, что находка более всего близка к предмету из памятника Верхний Сузун-Х Новосибирской области (VI–VIII вв.) [Дети неба...: эл. ресурс].

Вторая часть могильника состоит из курганов с достаточно глубокими могильными ямами, в которых умершие погребены по обряду труположения. В погребениях фиксируются следы огня на перекрытиях и уголь в заполнении могильной ямы. В могиле-1 кургана №18 был найден еще один сложный пояс. Он состоял из застёжки и колец для закрепления ремня, щитовидной бляхи, двух блях с прямоугольными прорезами (рис.-2–7). Аналогии ему мы видим в уже упомянутых памятниках Горного и Степного Алтая. Поскольку бляхи имели невысокий (0,3–0,4 см) бортик и на них сохранились штифты, можно говорить о ширине ремня (2,4–2,5 см) и толщине кожи, из которой он был сделан (0,3–0,4 см). Другой пояс из этой могилы состоял из пряжки, двух круглых блях и обоймы (рис.-8–11). Его ширина составляла 0,9 см, а толщина сохранившегося кусочка кожи – 1,5–2 мм. Пряжка имеет аналоги в могильниках 1-й трети II тыс. в Тарском Прииртышье Алексеевка-XX и Алексеевка-XXVI [Татауров, 2003, с. 69]. Но подобные обоймы, по форме напоминающие тренчик современных ремней, были распространены с раннего железного века (например, могильник Нурмамбет-IV, тасмолинская культура) до конца VII – VIII в. (дюна у с. Подстепного, Павлодарский акимат, Казахстан) [Добжанский, 1990, с. 21, 38, табл. V.-2, с. 112, табл. XXXIII.-3, с. 140].

Вместе с ремнем была найдена литая бронзовая плоская бляха – свернутая в кольцо змея с человеческой личиной в центре кольца (рис.-1). Изделие со сходным сюжетом, датированное VII–VIII вв., найденное на р. Ухта (Коми), опубликовали В.А. Оборин и Г.Н. Чагин [1988, с. 94, рис. 72].

В могильнике Айткулово-1 (старое название памятника – Мурлинские курганы на Иртыше) в 20 изученных курганах, в которых погребения были совершены по обряду труположения с сожжением перекрытий, был найден только один сложный пояс, состоящий из орнаментированного удлиненного наконечника ремня и накладок с изображениями расходящихся листьев (рис.-23–24), но зато имелись почти десяток костяных и металлических пряжек для узких ремней и остатки одного ремня, украшенного простыми круглыми бляхами [Татауров, Тихонов, 2019, рис. 6.-1, 3, 5]. Авторы статьи находят аналогии сложному ремню на Алтае в материалах могильника Балтарган IX–X вв. [Худяков, Кочеев, Моносов, 1996, рис. 1], а ремню с круглыми бляхами – в могильнике VII–VIII вв. Сабинка-1 в Хакасии [Добжанский 1990, с. 40, табл. XXXI, с. 138]. В погребениях могильника найдено большое количество усть-полуйского бронзового литья, бронзовых изделий, характерных для Приобья, и отливок, копирующих среднеазиатские и алтайские изделия [Татауров, Тихонов, 2019].

Анализ погребальных памятников Прииртышья позволил проследить большую миграцию тюркского населения в IX в. н.э. со стороны Алтая и Верхнего Иртыша. Для этой волны переселенцев характерно трупосожжение на площадках и оформле-

ние над ними курганов. Известны случаи (могильник Окунево-II), когда погребения по обряду трупосожжения делались в насыпях больших курганов раннего железного века [Могильников, Колесников, Куйбышев, 1976, с. 225]. Мигранты вошли в контакт с местным населением, о чем свидетельствуют бронзовые бляхи в погребениях. В ряде могильников зафиксированы парные захоронения, в которых мужчина погребен по одному обряду, а женщина – по другому. Например, на кургане №13 могильника Кипы-III: «Под земляной насыпью в двух смежных материковых могилах находилось по одному захоронению: в первой могиле – погребение мужчины, совершенное по обряду кремации. Его сопровождал типичный южносибирский погребальный инвентарь: железный наконечник копья, детали конского убранства и пояса; во второй – погребение женщины по обряду трупоположения, которое сопровождалось местными глиняным сосудом и бронзовыми украшениями» [Конилов, Шваан, 1983, с. 52].

Через достаточно короткий промежуток времени (возможно, в течение 1–2 поколений) наблюдается откат с севера этой миграции. В захоронениях обряд трупосожжения заменяется трупоположением с «обилием огня», т.е. он фиксируется в виде полусгоревших деревянных погребальных конструкций, скоплений угля и золы от сожженных на стороне предметов. Маркирует эту обратную волну северное бронзовое литье, вероятнее всего, захваченное во время этого похода. Количество могильников с подобными захоронениями значительно больше, чем при движении на север. Они существенно выделяются по количеству курганов. Например, на оз. Ирча памятник насчитывает более 150 курганов. Фиксируется серия городищ, материалы которых позволяют утверждать о единстве этих комплексов с погребальными памятниками.

Вероятно, некоторые группы тюрок вернулись в степи. Об этом свидетельствует шлейф предметов усть-полуйского литья на памятниках того времени в верхних течениях рек Тобол, Ишим, Иртыш. Оставшаяся часть мигрантов остановилась на границе лесостепи и тайги. Она ассимилировала местное население, проживавшее по долинам крупных рек, и стала определенным буфером для потоков степняков с юга. Через некоторое время с ростом этого населения проход по долинам рек на север был закрыт настолько, что даже мощные передвижения населения в монгольскую эпоху практически не оставили следов в этой зоне. Следует заметить, что миграции с юга степняков не прекращались, но они либо поглощались в этой зоне, либо пропускались за определенную плату.

Заключение

Д.Г. Савинов [1984, с. 110] помещал на рассматриваемую территорию среднеиртышский вариант кимако-кипчацкой культуры, тем самым напрямую указывая на формирование там достаточно единого населения, управляемого на уровне раннегосударственных образований. Если исходить из этого посыла, то станет понятным то единство в материалах начала II тыс. н.э., которое прослеживается почти по всему поясу лесостепи Сибири и по долинам рек – Иртыша, Ишима и Оби на юг до Алтая и Средней Азии.

Ситуация меняется только к середине XV в., когда чингизид из джучидской ветви, потомок Шибана Абулхайр, провозглашенный ханом в Западной Сибири со столицей в Чимги-Туре в 1428 г., собрал на подвластных ему сибирских землях, в том числе в Прииртышье, почти полумиллионную орду, захватил большие территории в Средней Азии и в 1446 г. перенес свою столицу в Сыгнак [Ахмедов, 1965, с. 32–70]. Только после этого оттока начинается расселение народов, которых встретили русские, пришедшие в Сибирь в последней четверти XVI в.

Библиографический список

- Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков при Абу-л-хайр-хане // Государство кочевых узбеков. М., 1965.
- Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990.
- Здор М.Ю., Татауров С.Ф., Тихомиров К.Н. Археологическая карта Муромевского района Омской области. Омск, 2000.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994.
- Конигов Б.А., Шваан Ф.Д. Исследование Кипских курганов // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1983.
- Могильников В.А., Колесников А.Д., Куйбышев А.В. Работы в Прииртышье // Археологические открытия 1976. М., 1977.
- Могильников В.А., Конигов Б.А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // Советская археология. 1983. №2.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль: Альбом. Пермь, 1988.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Татауров С.Ф. Археологические памятники на р. Кунлук // Новое в археологии Среднего Прииртышья. Омск, 2003.
- Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Средневековые древности Тарского Прииртышья (генезис, хронологическая принадлежность, культурно-этническая интерпретация) // Археология, этнография, антропология Евразии. 2019. Т. 47. №1.
- Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Чудаков Д.В. Могильник Алексеевка I // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут, 2001.
- Тихонов С.С. Возможные миграции с бассейна Оби на Тару // Средневековые древности Западной Сибири. Омск, 1995.
- Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов ВМ. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. 1996. №3.
- Чагаева А.С. Могильники в окрестностях деревни Айткулово Омской области // Из истории Сибири. Вып. 5. Томск, 1973.
- Дети неба: древний клад Верхнего Сузуна. URL: <https://nat-geo.ru/science/history/deti-neba-drevnij-klad-verhnego-suzuna/> (дата обращения: 27.09.2020).

УДК 903.5:39(517)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.40

В.В. Тишин

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан Удэ, Россия

К ИЗУЧЕНИЮ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КОЧЕВНИКОВ МОНГОЛИИ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда
(проект №20-78-10037 «Ранние тюрки Центральной Азии:
междисциплинарное историко-археологическое исследование»)

Автор статьи обращается к рассмотрению вопросов погребальной обрядности у кочевнического населения Монголии древнетюркского времени в связи с привлечением малоизвестных сведений китайских источников. Кроме упоминания известных данных о погребальных обычаях у тюрков (кит. *ту-цзюэ* 突厥), на которых автор не останавливается, он обращает специальное внимание на свидетельства китайских авторов касательно погребальных практик у соседствовавших с тюрками других кочевых племен. Несмотря на то что относительно племен, искусственно объединенных китайскими хронистами под названием *те-лэ* 鐵勒 / *тэ-лэ* 特勒, в источниках в целом упоминается, что они, в отличие от тюрков, практиковали трупоположение, имеется два свидетельства касательно племен *се-ань-то* 薛延陀 / 薛延陀 и *ту-гу* 僕骨 / 僕固, что представители их элиты после смерти